

Олег Дозморов

Уральский акцент

Олег Дозморов

Уральский акцент

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Дозморов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Д30

О. Дозморов

Д30 Уральский акцент / Олег Дозморов. – М.: Воймега,
2019. – 172 с.

ISBN 978-5-6041935-6-3

В новую книгу Олега Дозморова вошли стихи, написанные в 2010 – первой половине 2019 года, опубликованные в журналах «Знамя», «Новый мир», «Арион», «Воздух», «Звезда», «Урал», «Волга», «Новая Юность», а также в фейсбуке.

ISBN 978-5-6041935-6-3

© О. Дозморов, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

2010 – 2014

* * *

Не цепляйся за стихи, пиши прозу.
Поэтов много, прозаиков единицы.
В прозе опиши соловья и розу –
хороши для прозы цветы и птицы.

У поэтов армейская дисциплина:
не ходи туда, не дружи с этим.
У прозаиков для хандры и сплина
масса возможностей – и для всего на свете.

У прозаиков – честные разговоры,
по утрам одиночество, праздник лени.
У поэтов – распри, интриги, ссоры
и внутричерепное давление.

* * *

Скворцы на закате —
местный аттракцион.
Наблюдение, фотографирование.
Ужин, после ужина — сон.

Курица с длинным рисом,
словно в детском саду.
Скворцы ночуют под пирсом.
Вот хев ви ту ду?

* * *

Что, человек-сам-себе-тюрьма,
день-деньской, как маленький, ходишь-бродишь:
то на резкость вид из окна наводишь,
то летишь с горы ледяной ума?

Разве важно — засранный задний двор,
или сад с гремящими соловьями,
или бухту с белыми кораблями
взгляд в окне расстреливает в упор?

Загляни давай сам себе в мозги,
покопайся там, отыщи причину,
что томит с утра средних лет мужчину,
что стоит в пижаме и трёт виски?

Романс

У меня был дорогой товарищ,
иль, как говорится, лучший друг.
И была сестрёнка боевая,
ближе многих искренних подруг.

И однажды я их познакомил
(я обоих бешено любил).
Посмотрели друг на друга просто,
я им, помню, что-то говорил.

Оба не встречались больше, знаю.
Друг уехал в дальние края,
умерла подруга боевая,
и с тех пор один на свете я.

Но какой-то свет скользнул по коже
в миг знакомства. Может, оттого,
умирая, и на смертном ложе
думать буду: не было ль чего?

* * *

Человек сжёг в комнате кислород,
встал вслепую с кровати, ища опору.
Мимоходом сунулся к монитору –
три часа возделывал огород.

Шутка ли, компьютерная игра.
Для мужчины это весьма серьёзно.
Сел с утра, а встал – за окошком звёздно,
ночь везде намазана, как икра.

Так за эрой эра, за веком век.
Посмотри, жена, кроманьонец дышит
в монитор, ещё сто веков – напишет
что-нибудь, начинающееся с «Человек...»

* * *

Мармелад в круглосуточном магазине —
вот и брешь у студента в потребкорзине.
Но какая разница, дурачок,
если утренний стоячок,

если ручкой синей абракадабра
на страничке в клеточку расцвела,
поэтические приоткрылись жабры,
волочатся по улице два крыла?

Чудо-юдо — от древнего грека
до семнадцатилетнего человека
гордо тянется ДНК.
Вы — из конторы. Мы — от поэтического станка.

Физиологически всё прекрасно,
но зато лирически всё напрасно.
Станешь старше — будет наоборот?
Не накаркай, чур тебя, идиот.

Муза русская в зеркале в изголовье
обрывает ромашку: дала — не дала — дала.
Сердце бедное злой типографской кровью
наполняет строф пещеристые тела.

* * *

Автобус, автобус:
сквозь тусклые горы трясёшься всё утро.
И крутится глобус
на глупой рекламе. За окнами мутно.

Включает кондишн
эстонец, похоже, водитель усталый.
Забудься, усни же.
Нет, надо подумать. Рассвет небывалый.

И спишь, и не спишься.
И нужно подумать. Петляет дорога.
Совсем измениться?
Заняться чем хочешь? Уверовать в бога?

Да, всякое входит
в сонливый рассудок из рек подсознания.
Водитель выходит.
Наверное, Честер. Какие-то зданья.

Письмо Наташе Санниковой в ответ на стихотворное послание ей

Ну вот, Наташа, и стихотворенье ты написала! Дюже поздравляю! Как там Жуковский: чудное мгновенье? Не помню, ибо вовсе не читаю литературу, а читаю сводки, обзоры рынков, этикетки с водки, когда глушу тоску и вечерами гляжу в чужой закат в оконной раме.

Нет, вру: окно на кухне на восточный глядит край неба, вкось от водосточной трубы частично виден парк и пруд, в котором гуси, раки, черепахи (я не шучу, мы тоже охи-ахи). Ну а про водку все поэты врут.

Ну что сказать о загранице? Чисто. Высокие налоги (эти числа ещё и увеличиваются) — ещё к проблеме курицы-яйца? Не то в России: вольно, грязно, страшно, как сообщают, дорожает брашно, а главное, всё больше там «как тут» становится (вот это точно врут).

Моральную победу одержали, кто от родных осин не уезжали, и потому я чувствую вину и, предаваясь терпкому вину печали, грусти, блядской ностальгии, я наблюдаю в небе хирургии процесс по вечерам в другом окне. Закат льёт кровь. И двор лежит в дерьме собачьем — у всего испод, изнанка. Да, здесь быстрее заживает ранка, и слаще здесь лирический бальзам (элегия наследует слезам). Но, перейдя Исеть, Неву, Непрядву, ты понимаешь вдруг другую правду: расслабься, от себя не убежишь. Судьба равно повсюду кажет шиш. Стихи, восторги, рифмы, тропы, чувства, весь этот лжи спасительной искусства дешёвый и вонючий реквизит не нужен, как кишечный паразит, ни там, ни здесь. Ни в Мсте, ни в Голливуде. Везде живут

и умирают люди в полнейшем одиночестве, увы (любовь и ту придумали умы ехидные). Повсюду дышишь странно. Повсюду кукиш смотрит из кармана. Везде болезни, пошлость и тщета. А климат не решает ни черта.

* * *

Констатации: в голове Маршак, на языке наждак.
Аватар в чёрном стекле вагонном —
угрюмый некто в галстук и очках.
Хрестоматийной жаждой томится сонным.

Состав летит, как в колодец, сказал бы поэт, ведро.
Иль трубочиста в трубе на проволоке ядро.
Ну что, мандельштам, вот они: кеды, дреды.
Чернокожие, с крыльями, входят байроноведы.
А слабо к «перу» приравнять перо?

Вот сейчас обступят, чикнут и извлекут
из сердечной сумки земной сосуд,
полный скорби, любви и лирической — эх — отваги.
Выбьют зубы, ножичком полоснут,
что-то вложат взамен в ходе пьяной драки.

Средней школы враки! Напрасный труд.
Засвербит в паху, как они пройдут,
взмокнет жути на лбу папаха.
На платформу ночную выйдешь — щиплет в носу.
Расплети язык, проглоти слезу,
человек рассеянный, говори без страха.

* * *

Тяжело лежать на одном боку,
а ворочаться — простыня вся в канат свилась.
Снег снаружи сеет свою муку,
между мной и всем проявляя связь.

Перемелется, что ли, всё в декабре?
Мечта человека: ничто не стучит в висок.
Уснуть одним, встать другим на заре,
совпадая с собой, — раз, где-то там щелчок.

* * *

Нефть кончится, старик, язык останется,
а значит, мы останемся с тобой
ну что ли ерундой языковой,
ну что ли закорючкой, запятой,
в зубах застрявшей косточкой, фигнёй,
когда всё это дело устаканится.
Как тот доисторический планктон
утрамбовался вязкими пластами,
стал чёрной нефтью, так и мы с друзьями
любезными, в просодии кентами,
со всем своим лирическим дерьмом
(что вечно оставлялось на потом)
осядем буквами в тонкий том.
Хотя, конечно, мелкими шрифтами.

* * *

В типографии туч набирают петитом «снег»
и белым по чёрному тут, под окном, кладут.
Когда бы я был маленький человек,
я бы за пять минут там возвёл редут.

Ну а поскольку я только домашний кот,
я в окно наблюдаю за снегом и за лисой,
что к нашей помойке хищно сейчас идёт,
словно я на кухню за колбасой.

Скучно всё это, жизнь зимой не фонтан.
В соседском окне другой, большой человек,
грустный от горя или сердечных ран,
совсем по-кошачьи читает летящий снег.
Лезет лапой за белым платком в карман,
и его трясёт человечесий беззвучный смех.

* * *

Слава — после, прежде — биография,
ещё раньше — навык и терпение.
И тупое, словно порнография,
к медным трубам с юности влечение.
Если б, сладив с детскими дефектами
нашей речи, встретившись с весталками,
разлюбил стихи со спецэффектами,
тачки с тонировкой и мигалками,
сквозь визгливое, невыносимое
просквозив, зелёный от позора,
изучил устав — «Невыразимое»,
заглянул в безмолвные озёра.

* * *

Я осмотрела все помойки
и выставленные пакеты,
и на задворках автомойки,
и перед домом у поэта.

Я не какая-нибудь кошка,
а ты уставился в страницу,
и пьёшь свой кофе у окошка,
и проглядел меня, лисицу.

Я знаю тут все закоулки,
я гид по бедности, а это
достойно от колбаски шкурки
или куриного брикета.

Я обездолена изгнанием
и автономно, словно муза,
владею драгоценным знанием,
а ты, лентяй, не вынес мусор.

* * *

Время — вещь, говорил нам лондонский антиквар.
У него есть тело, и оно никуда не девается.
Чем дольше живёшь, тем острее чувствуешь: не меняется
ничего, всё сохраняется, ничего не теряется,
даже от выкипевшего супа пар
у антикваров где-нибудь сберегается.
И предлагал нам свой залежалый товар:
обручальное кольцо белого золота с шестью бриллиантами,
в котором его сестра выходила замуж,
но, видимо, не раздумывала над вариантами
и молодожёны скоропостижно расстались. Да уж.
Показывал изящные серьги с сапфирами
и колечко с крупным аквамаринном,
бронзовую черепаху, и китайца с дельфинами,
и слона красного дерева, но Марина
вдруг увидела часы Рене Лалика:
бессмертный модерн, цветы и птицы —
и влюбилась в них мгновенно, дико,
так что мы решили Лалика коллекци-
онировать, потом, когда эти тыщи,
потраченные, не превратят нас в нищих.
А мне понравилась фигурка мейсенского фарфора
«Купидон точит стрелу». Крылатый бутуз
вострил на колесе с хитрой улыбкой вора
своё оружие, спрятавшись за какой-то куст,
аж с 1779 года, вот умора.
Мы ничего не купили. Я вообще-то искал
маленькую настольную гипсовую Евтерпу,
но не нашёл, разозлился и на обратном пути ворчал,
хоть Евтерпа была рядом, но нервы, нервы.

А антиквар обиделся. Да нам-то какое дело?
Я завязал потуже шарф и надвинул кепку,
и мы пошли дальше по Портобелло,
пока время придавало окончательную форму слепку.

* * *

Какая ночь! Какая ночь, желанный
и милый друг!
Какой сонет я сочинил туманный
и полный мук.

Какие я нарисовал картины
и, полный тьмы,
смотрел весь день на мокрые машины,
людей, дымы,

чертил на затуманенном окошке
смешной зигзаг,
и дождь шуршал тихонько по дорожке
(и капал в бак).

Как мне теперь, нелепому, подняться
над всем земным?
К земле прижаться, с небом не расстаться,
как этот дым.

* * *

Как болит голова.
Раньше так никогда не болела.
Там, наверно, слова?
Только боль – сзади, справа и слева.

Этой боли кольцо,
а не мрачная радость напева
искажает лицо
старика, несмышлёная дева.

А стихи – что они?
Помогали, но плохо и редко.
Так что лучше воды мне плесни,
у меня есть таблетка.

* * *

Борьба за жизнь, застывшая, как танец,
вагон уходит по тоннелю в ад.
Читает книгу сонный чужестранец.
Напротив бритт ломает шоколад.

В дверях стоит бродяга исступлённый,
в деснице чётки, на устах Аллах.
Молчит народ, ничем не изумлённый,
все девушки в высоких сапогах.

Мой пятистопный ямб, заткнись и слушай.
Но непреклонно продолжает он
бубнить своё в заложенные уши
и с музыкой выносит на перрон.

В мозгу проносятся мечты и звуки,
но их не слышно в воздухе сыром.
Как пустота заламывает руки,
как тишина грохочет под мостом!

Зачем мне отблеск непонятный нужен,
холодный свет от мартовской зари,
и тишина, которая снаружи,
и пустота, которая внутри?

* * *

Как страшно раскрылись тюльпаны,
как жадно раззявили рты
и тянутся к свету, болваны.
Болван, впрочем, это ведь ты.

Комичное это стремленье
вослед золотому лучу
оставь безглагольным растеньям
и миру скажи: не хочу.

Задолго до темени, тленья
минута сомненья сладка.
Прочти свои стихотворенья.
Ну что ты? Неясно пока?

* * *

На кухню вышел я помыть посуду —
и на две тыщи лет назад унёсся.
С Горацием бродили мы по саду,
и нам светило золотое солнце.

Я с Цезарем вдвоём гулял по Риму,
и Цезарь сокрушался, одинокий.
Потом я заплутал, поскольку рифму
неправильную дал мне бог жестокий.

И вот я превратился в бегемота
или фламинго на берегах Суматры.
И если я и попросил у жмота
чего, то дальних мест подробной карты.

Но нет во мне геройства Гумилёва,
нет Анненского музыки всевластной,
это они жизнь приняли за слово,
я мыл посуду в грусти безучастной.

Журчит ручей среди прекрасной рощи,
протягивает Аполлон, паскуда,
мне в руки лиру, спрашивает: хочешь?
А у меня уж вымыта посуда.

* * *

Сказал — и тут же пожалел.
Да, не вернёшь былую сказку.
Я только нежности хотел,
а получил не ласку — встряску.

Потом смотрел на двор в окно.
Потом пошёл помыл посуду.
Потом подумал: всё равно.
Потом подумал, что не буду.

Потом зажёл в колонке газ
и в зеркале (вот бой без правил!)
мелькнул опять в последний раз,
но сам себя переупрямил.

* * *

О чём ты, звук, стихотворение?
О том, как напоследок дышит
в стеклянной вазочке растение?
Я не могу тебя расслышать.

О ежедневном исцелении
от сновидения ночного,
будильника распоряжении,
всегда внезапно, в полседьмого?

Я не могу понять. Наверное,
о человеке в свете грусти,
и потому ты снова нервное.
И мы подробности опустим.

* * *

Наверное, хватит? Пожалуй, пора?
Но я не согласен заткнуться.
Ведь я только начал. Сыграем? Игра
такая: идти, обернуться

и быстро на облако то посмотреть,
рукой закрываясь от солнца,
что в окнах мансард начинает гореть,
прищуриться пуще японца.

И пенное облако над головой,
что рдеет, отбившись, над строем,
и лучшая девушка рядом со мной,
которой всегда недостоин.

* * *

Не жизнь прошла, а молодость всё длится,
там, за забором памяти, за дымом
её листвы, где мимо глаз синица
блеснёт лимончиком неуследимым,

где каждый, невозможно гениален,
ест пирожок с картошкой иль повидлом,
приехав в центр с немыслимых окраин,
с дугой в четверостишии завидном,

как будто вас читаю из могилы,
товарищи, поэты, лицеисты,
и на автобус в допотопном стиле
сентябрь приклеил золотые листья,

скорее в сквер Попова, поболтаем,
упьёмся, словно варвары-студенты,
мелодией, хотя не забываем
прокомпостировать абонементы,

и за ремень засунута тетрадка
несовершеннейших стихотворений,
дрожь пробирает, и читать их сладко,
и жизнь прошла, и поздно в кафетерий.

* * *

Прости мне титанический закат,
мучительное пение дрозда,
разбухший от цветенья палисад,
сквозную зелень каждого листа,

вечерний изумительный покой,
набоковскую ласточку вон ту,
зелёный том поэта под рукой,
похожую на гибель пустоту,

последний луч, упавший на камин,
хоть он фальшивый, как и всё вокруг,
на белом хлебе парочку сардин
и изумительно зелёный лук,

вреднейший кофе в кружке расписной,
вот только сигареты нет к нему,
короче, вечер в Лондоне, весной,
тревожащий не знаю почему,

житейский незаслуженный уют,
который осуждают все подряд —
и я себя виню, как будто Брут,
но лишь перед тобой, мой мёртвый брат.

* * *

Куда летит далёкий самолёт?
Куда ведёт инверсионный след?
В края каких тропических погод?
Из края катастроф каких и бед?

Да просто здесь такой у них квадрат
иль зона разворота где-то здесь.
Над социальным домом в аккурат
за шесть минут их пролетает шесть.

Как в детстве легкокрылый самолёт
летел по белой наволочке вдаль
и — мишки с парашютами не в счёт —
формировал нездешнюю печаль.

Рационально понимаю: бред.
Регресс и атавизм, как ни крути.
Готов, скажи, узреть далёкий свет,
почти нездешний? Вечное «почти».

* * *

Поговори со мной. О чём?
О том, что нужен дом.
О том, что ранняя весна
лишает напрочь сна.

О том, что молодость прошла,
но эта мысль пошла.
А стихотворный разговор,
увы, повтор, повтор.

Повтор, повтор. Ещё повтор.
Потом — ого — простор.
И ничего. И всё равно.
Пойдём, дружок, в кино?

* * *

Ангел дежурный сыграл на волынке
песню победы тревожно, легко.
Дождик закапал. На влажном суглинке
след отпечатался неглубоко.

Группа туристов, о, глупые овцы,
что-то лепечут про фильм и звезду.
В лавке очнулись от смерти торговцы.
В пабе подали простую еду.

Здесь, под ногами (вы топали мимо),
может быть, наши солдаты лежат.
Пали на стогнах Иерусалима
и никогда не вернуться назад.

Мы хорошо в крестоносцев играли,
швабры ломали, дрались на мечях.
«Аве Мария!» орали едва ли,
но ощущали доспех на плечах.

Я сумасшедший, а вы идиоты.
Я прозреваю дневную звезду
нашей с полей не вернувшейся роты
в тёмных очах идиотки Тоту.

Как хорошо умирать за награду
вечной печали, весны вековой.
Влажный твой взор обещает усладу
за недоступной, последней чертой.

* * *

Что там память сберечь мне старается?
Впрок строкой заготовлена кровь,
и завивки кольцо развивается.
Это первая снится любовь.

Стала толстой и страшной, наверное.
Может, лучше бы ты умерла.
Всё равно. Исчезает неверное
имя, и вырастают крыла.

Что б мы делали, если бы вечная
между нас пробежала дуга?
Ты прекрасна, я – тварь бессердечная,
я несчастен, и ты никогда.

* * *

«Нет на свете мест волшебных, лучших», —
говорил мне томик реалиста.
Ноет птица в зарослях колючих
волчеца, малины, остролиста.

Повсеместно проступает бездна,
как ты голос разума ни слушай.
Но на чёрный день должна быть песня,
на последний, самый крайний случай.

Над долиной нашей ветер веет,
варят суп китайцы-новосёлы.
В поле, где ячмень для виски зреет,
пролетели золотые пчёлы.

Спит лошадка, ничему не внимлет.
Войн обеих рядом обелиски.
В чистом поле дуб корявый дремлет,
говорит мне тихо, по-английски:

«Не гляди, что выгляжу убого.
Понапрасну сам себя не мучай.
Всё на свете только путь-дорога.
Всё на свете лишь авось да случай».

* * *

То не уральский закат озарил тополиные кроны,
то не родыгинский вальс заиграл ветеран-баянист:
гаснет Атлантики свет над холмами британской короны,
слышно фанатов «Манчестера» пьяную ругань и свист.

Многозначительно, правда? Но я не слова поговорки,
малоизвестный мотив повторяю невольно всерьёз.
Славлю я пиццы кусок после влажной домашней уборки,
в барчике «Роща» веранду с кустами ободранных роз.

* * *

Как дождь подновляет окрестность,
как сливочным светом вокруг
облита гористая местность.
Он Фета помощник и друг.

Но цвета мучительный запах
и старые ветви берёз,
и вот уже сырость в силлабах,
и ты умираешь всерьёз.

И сразу же, чёрт, воскресаешь
под умное пенье дрозда
и глупые мысли бросаешь
навек, совсем, навсегда.

Всё смыто, оставлено сзади.
Идёт человек за рекой.
Давай поздоровайся с дядей,
махни незнакомцу рукой.

Здесь утлый объём человека,
значение каждой из душ
растёт, хоть ты хват, хоть калека,
чем дальше в гористую глушь.

И даль голубеет, белеет.
Прощённым быть в малых грехах
и вечно идти вдоль аллеи,
как в чьих-то надёжных стихах.

* * *

Девятнадцатый век, накопитель
нашей музыки, песен в крови,
говорю тебе, бука, любитель,
ну-ка, вялый мотив оживи.

Как туман накрывает долину,
он спускается с низеньких гор,
и бросается елям на спину,
и таит что-то в складках, как вор,

как холодные капли, стекает
по листве, глухо бьёт по земле,
олениху с дитём оглушает:
«Не глупите, готовьтесь к зиме.

Скоро, скоро седая наступит,
очень быстро злодейка придёт,
всю долину мгновенно остудит,
и никто от зимы не уйдёт.

Даже этот бумагомаратель,
что стоит под зонтом на холме,
чувств и мыслей чужих подбиратель,
не укроется с ними в тепле.

Он надеется, в общем, на чудо,
но зима-то в предгорьях лиха,
сны-мучители, холод — оттуда
в кровеносной системе стиха».

* * *

Как солнце рыжее за горы упадёт,
так ляжет тень на эту часть долины
и медленно с той стороны взойдёт,
где за рекою паб и магазины,
где на краю ржаного поля склад,
развилка, указатель поворота,
два ворона на проводах сидят,
бесцельно ждут (да кто им даст чего-то),
где небо побледнело, ну так вот,
я выхожу из дома осторожно
высматривать, как эта тень растёт.
Не знаю, вам тревожно? Мне – тревожно.

За месяц здесь я не видал луны,
не видел звёзд мерцающего сора
(его украли злые колдуны
и спрятали в глубокие озёра).
Стереть бы к чёрту память, как пропал
вот только что последний голос птичий.
Всем спать пора. Ущелье, как рапан,
воспроизводит реку безразлично.
Хоп! Целый мир охватывает тишь,
леса и отраженья спят валетом,
и от окна отбрасывает мышь
(как мысль, когда о чём-то говоришь)
летучую, напуганную светом.

* * *

Из темноты взывая: плохо мне, плохо, плохо,
кто там коммуницирует сам с собой?
Судя по децибелам, не такая уж он и кроха,
зверь какой, что ли? Да не зверь это, голубь лесной.

Ни фига себе птиц. А кричит как пьяный,
в райотделе милиции разделанный под орех.
Не от горькой обиды, не от сердечной раны,
а потому что гормоны и пустобрех –

тому ещё деятелю досталась лира,
почему-то подумалось вдруг в тоске.
Ах, аллегория, школьная птица мира,
долгожданный вестник с зеленью в клювике.

Разговор с птицей

Как из зарослей, из кустов
птица жаловалась на жизнь.
Я сказал ей тихо, без слов:
«Слушай, птица, давай держись.

Я вот тоже всё не готов
ни к предательству, ни к войне
и к таким сочетаньям слов
тоже, в общем-то, не вполне.

Кто зорит у тебя гнездо,
умерщвляет твоих птенцов?
Кто меня заставляет “Доз-
моров, Дозморов, моров”

возвещать из своих кустов
утром очередного дня?»
Без использования слов
чирк пернатая на меня:

«Хорошо тебе, человек,
ты свободен, хоть и бескрыл.
А я птица, небесный клерк,
хор лесной, бесполезный пыл.

Ты в коробочке черепной
держишь музыки Таж-Махал.
О зиме сочинил весной,
эпигонский лоб полыхал.

В ад вошёл двадцать лет назад,
испохабил тетрадный лист».
Птица ринулась в мокрый сад
и совсем перешла на свист.

* * *

О, дайте мне кинжал и яд,
Мои друзья, мои злодеи...

Александр Полежаев

«Ты чего? Всё нормально, старик».
Раз пятьсот повторял эту фразу.
Позови — всё по полочкам сразу
я раскладывал вмиг.

Объективно всё, видишь, хоккей.
И друзья, мне казалось, светлели.
Кофе пили, курили, теплели,
улыбались над шуткой моей.

Только, думаю, я не помог.
Объективно — помог, субъективно —
ни черта, и им было противно.
Всё об стену горох.

Лучше бы притворился, мудак.
Ничего не сказал бы, а обнял,
взял бы боль на себя, просто понял,
что идти им с верёвкой во мрак.

Просто взял бы да вдруг позвонил
среди ночи, надутая морда,
но потом не торчал бы у морга
и прощения бы не просил.

Мне вот тоже на днях говорят:
ты же умный, глядят равнодушно.
Я признателен, только мне скучно,
может, лучше кинжал бы да яд?

* * *

На стихи мои друзья не реагируют,
потому что в поисках работы,
потому что бизнес регистрируют
или сильно влюблены в кого-то.

Что стихи пред нашим бытом праведным?
Пыль, труха, растерянные буквы.
Знаю я, настаивать неправильно.
Корабли разъякорили бухты.

Где-то там взрываются вселенные,
алые кометы рвут оковы.
А друзья молчат, не изумленные,
но всегда посплетничать готовы.

Зубы ставить, овощи закатывать.
Выхожу один я на районе.
А в стихах рассветы прут с закатами,
мертвецов контакты в телефоне.

На закате город сильно плавится,
весь распластан и раскатан бытом.
На закате мировом по пятницам
шмель поёт в саду, вьюнком увитом.

* * *

Хмурое утро какое.
Дремлет на дереве птица.
Нет тебе, бедной, покоя.
Кто ты? Зегзица? Синица?

Это же дрозд, ёлки-палки,
певчий, какой-то облезлый,
бурый, не пёстрый, не яркий,
да вообще бесполезный.

Что ты орал под окошком
вечером, сидя на ветке,
нечто подобное кошкам
и оставляя отметки?

Может, ты бомбардировщик?
Всяческих мух истребитель?
Или в каштановой роще
музыки сфер усилитель?

«Духом я жив, а не телом, —
дрозд из ветвей отвечает. —
Занят не словом, а делом
я, провозвестник печали.

Я посылаю посылки,
тол в музыкальном конверте.
И выпускает закрылки
ангел потери и смерти».

* * *

Когда район выходит на пробежку
в сиянье первых утренних лучей,
он катит дребезжащую тележку
с приёмником, приноровлённым к ней,

обвязанным пакетом или плёнкой.
Он крутит ручку – выберет волну
и снова машет жидкою метёлкой
и подпеваает всякому говну.

Мне это странно действует на нервы.
Пусть я сентиментален, как поэт,
но этот крендель каждым утром – первый,
кто мне при встрече говорит: «Привет».

Пускай звучит не «Мать Долороза»,
а мегахит об ужасах измен,
вот тут, друзья, для лирника заноза.
Смешная музыка сквозь полиэтилен.

И есть соблазн назвать придурка братом,
оплакивать отверженность, и так
оплакивать, что жизнь, пожалуй, прахом
пошла бы точно, если б ведал как.

* * *

Житейская драма поэта,
убившая многих, она
как лёгкие перья рассвета,
как та, за морями, страна.

Она с пересохших, солёных
неслышно срывается губ
и бродит вдоль улиц спалённых,
как Фёдор Кузьмич Сологуб.

Кто знает? А кто ожидает,
что рифма к читаче прильнёт,
прилипнет и не отлипает
и жить двадцать лет не даёт?

Житейская драма поэта,
откуда мы доим лиризм,
с бутылкой, в слезах, неодета,
короче, сплошной прозаизм.

Любовь, ожиданье трамвая,
бухание, распри с отцом,
развод и такая-сякая
депрессия перед концом.

Всё как у людей, но помимо —
добавка, летучий фермент,
на музыку ту, что любима,
печальную абонемент.

Теперь не отвертись, как же.
Похуже, чем алкоголизм.
А как тут об этом расскажешь?
Вот, скажут, дурной символизм...

* * *

Заливаем в баки амфибрахий.
Впрочем, это, кажется, хорей.
В бронированные черепахи
пересаживаемся с коней.

Вводим танки сразу после пьянки
в серую притихшую Москву.
Окружаем телеграф без паники.
Рифмы в лентах, строфы на боку.

Залегла пехота в сквере мгlistом —
верлибристы, геи и т. п.
Мало нас, традиционалистов,
не прокатит наш ГКЧП.

Завтра нас поймают, арестуют,
постреляют над Москвой-рекой.
Некоторых враз перевербуют,
лучших — закопают в перегной.

Через двадцать лет настанет мода —
мы воскреснем и айда гулять.
Долго у упрямого народа
будут наши книжки изымать.

* * *

В предбаннике грусти, а после – тоски,
а дальше – смертельной обиды
штаны и рубашка, трусы и носки
оставлены, как пирамиды.

Поскольку обиженный голым сидит
и пальчиком лоб колупает,
пока его мучает гнев, жарит стыд
и лядвия ложь обжигает.

* * *

Опираючись на стенку
в тесном лондонском метро,
вспомню Сахарову Ленку
в синтетическом манто.

Я ли, Ленка, не дежурил
под окном в вечерний час?
Я ль не прятался, как жулик,
дверь не выпускал из глаз?

Не мечтал я быть поэтом
о четырнадцати лет,
мне хотелось быть отпетым,
сильным, грубым, как кастет.

Очень нежным быть хотелось,
в щёчку лишь поцеловать,
удивительную прелесть
снов тревожных разгадать.

А сейчас я с лирой, Лена,
чтоб тебя употребить
как лекарство против тлена,
как в веках живую нить.

Кто сказал, что быть счастливым
лучший смертного удел?
Быть везучим, похотливым,
краше прочих смертных тел?

Независимо от факта
(может, ты уже мертва),
ни инсульта, ни инфаркта,
ты навеки тут жива.

Ждёшь меня и ешь варенье,
глядя нежно из окна.
Ты уже стихотворенье,
ты — предвечная весна.

* * *

Не читатели литературы –
никакой, ни такой, ни другой –
в небесах силовые структуры,
представители власти иной.

Я читал стихотворную книжку,
чай прихлёбывал, в небо смотрел,
и они охмурили парнишку,
на рассвете ведут на расстрел.

Чепуха! Неживым притворился,
несмертельную рану зашил,
у надёжных людей схоронился
и без паспорта как-то зажил.

Нет ни родственников, ни начальства,
нет свидетелей, есть ДНК.
Сделал пластику и подкачался,
вам теперь не узнать паренька.

Вы меня не узнаете больше,
я пластинку и время сменил.
Я прошёл, как агрессор по Польше,
разве только не жёг, не бомбил.

Опоясался крест-накрест рифмой,
строго с чётным количеством строф,
пусть безжалостный, но колоритный,
и к разлуке, и к смерти готов.

Выхожу на дорогу с окраин.
Путь кремнистый блистает – невмочь.
Кто писал изумительный «Камень»,
сочинял «Европейскую ночь»?

Кто меня обманул и покинул?
Бросил с пулей в овраге глухом?
Кто внутри всё сломал, передвинул
сочинённым случайно стихом?

* * *

Я не знаю, кто это. Вампир?
Насосался нефти, страха, крови,
населся на кровавом троне,
а теперь наделали в нём дыр.

Тело, в бок прострелено, лежит,
ничего не жрёт, не говорит,
не транслирует змеиность, похоть.
Этот глаз открыл, другой — заплыл,
торс зачем-то кто-то заголил.
Я надеюсь, гаду было плохо.

Младший, но способный ученик
(говорят, во многое проник,
руку жал, дружил со всей оравой)
маленького, с лысиной картавой,
сухорукого, с братвой кровавой,
упыря из гоголевских книг.

Я ходил в тот вечер по музею,
Каналетто, Сислея смотрел.
А теперь на этот труп глазею.
Говорят, что это был расстрел.

Выключаю глупый телевизор.
Много пролил крови имярек.
Вот он умер и лежит, как высер,
значит, это тоже человек?

Если божий дух летит в пространстве,
если мы не просто вещество
(хоть гниём в чудовищном засранстве),
если мы подобие Его,

неужели и на *том* есть тайна?
Есть на *этом* высшего печать?
И душа — безумна иль случайна?
Я не знаю, как это сказать...

Не слеза, конечно, показалось.
Что-то там блесело из-под век.
Ничего, ни буквы не осталось.
Плохо мне — я тоже человек.

* * *

Что там лежало на стуле? Ага,
спички, часы.
Что-то ещё, вроде бы? Нифига.
Ладно, не ссы.

Благополучного недоизгна-
ния покров.
Светит мобильник, белеет стена.
Стих тебе в рот.

* * *

Дерево, дерево, если метель,
шторм-ураган не случится,
если соседнюю выберет цель
молния и отстучится

вовремя дятел, зимой по стволу
не отоварит топорик,
пьяный балбес не пристроит пилу,
сотню протянешь, кто спорит.

А человек просто так постоит,
тёплой щекой прислонится
к корке шершавой и – или простит
сам себя, или – простится.

* * *

Наплевать, что в итоге труха —
и словам есть печальные сроки,
и в конце небольшого стиха
повторяли начальные строки.

Говорил мне поэт, на закат
глядя страшный, балтийский: «Слезами
это всё и окупится, брат,
даже то, чего не было с нами».

Символист, преподавший урок,
делал так, и в закат обрывался
грозный ямб, и лавровый веночек
на чело только так возлагался.

Всё уйдёт навсегда? Чепуха!
Всё вернётся по кругу и в сроки,
оттого что в финале стиха
повторились начальные строки.

* * *

Чуяли, как писать.
Тяжела декадентская лира.
Начинаешь читать:
«Голубеющий бархат эфира».

Боже мой, боже мой.
Но отходишь потом понемногу.
«Океан голубой».
Возникают претензии к слогу.

Возникают претензии, пусть.
Ни строки без кокетства, без «драмы».
Что за бархат, Бугаев? Но грусть,
но воздушные храмы!

Мне сейчас не хватает их. Зря,
может быть, но оттуда
прилетала, пылая, заря,
бесконечное чудо.

* * *

что-то город мне приснился,
позабытый мной совсем.
я учился, я учился
в школе номер тридцать семь.

я повязывал свой галстук,
я кроссовки надевал,
я урок родному классу
по немецкому срывал.

в этой сказке всё иначе,
все алмазы стёрты в пыль,
что-то, значит, это значит.
сказка это, а не быль.

я в подъезде притаился,
это я за тем кустом,
это я в тебя влюбился
в классе пятом, не шестом!

ты живёшь на свете белом?
нет, теперь давай живи
в этом позднем, неумелом
объяснении в любви.

если всё же прочитаешь
лет так через двадцать пять,
ты в стихке себя узнаешь,
не узнаешь — наплевать.

шёл трамвай четвёртый номер,
на площадке кто-то помер,
кто-то, кто-то, может, я?
выходи искать меня.

* * *

От рождения самого веря
или позже поверив Ему,
отделить человека от зверя —
всё равно сверхзадача уму.

Отделить одного, обработать
тонкой музыкой, даже воспеть.
А того, неземного уroda,
опознать бы, в лицо разглядеть.

* * *

А. Пермякову

Когда звезда мерцает одиноко
и на районе зажигают свет,
сидит на остановке, дат немного,
хороший, но неизданный поэт.

Да, он поэт, и у него есть водка,
стаканчик одноразовый в руке.
У проходящих девушек походка –
как бы туман, плывущий по реке.

Он ждёт маршрутку или не маршрутку,
но что-то ждёт, определённо ждёт.
Да, у него тревога не на шутку,
а может, не тревога, а расчёт.

Расчёт на то, что дело будет плохо,
но всё в итоге будет хорошо.
Ещё ему не нравится эпоха,
он хочет в прошлое, где хорошо.

Давай пиши, во что бы то ни стало!
Но грустно смотрит на звезду поэт,
потом встаёт. Пройдёмся до вокзала?
Здесь пять минут. И всё сильнее свет.

* * *

Народ не с вами. И не с нами.
Народ огромный бутерброд
соорудил с семью слоями
и отправляет точно в рот.

Народ безмолвствует и только
тихонько чавкает. Народ
расставил рюмочки на столике.
Он мудр, он всех переживёт.

* * *

Наелся ядовитых ягод,
на тонкой веточке сидит,
внутри него, как полагает
поэт отменный, паразит.

Внутри него, я полагаю,
клокочет песня-динамит,
да, ядовитая, такая,
что всех навеки поразит.

* * *

...И, увидав смертельную усталость
на лице друга, сам устал навеки.
Мой милый, что с тобою случилось?
А здесь всё те же люди-человеки.

И страшно мне: не те, кого любили,
а те, кто не любил нас, закрывают
нам веки, и не те нас провожают
туда, откуда мы не приходили...

* * *

Мне написал один поэт
(хороший, если честно),
что должен уступить аэд
своей беде чудесной

и человека победить
в себе, угрожать смело.
И я подумал: приютить
несчастливого — вот дело.

* * *

Аннелизе Аллева

Неистребимый уральский акцент.
Как ни старался, чего я ни делал,
но интонацию словно заело,
неконтролируем этот момент.

В прах орфоэпию я изводил,
не оттирается, не отлипает,
а ещё пуще, злодей, прилипает,
выгляжу с ним как последний дебил.

Как же мне быть? Или что делать с?
По телефону с поличным застукан
(слышно прекрасно), краснею, как сука,
звук засорён, заударный завис.

В англоязычной беспечной среде
пофигу всем — хоть хрипи как астматик,
тихо гундю и лелею, прагматик,
чёртово чоканье вечно, везде.

* * *

Когда ты, милый мой, на столе остывал,
через два дня в гробу согревался
после морга, я всё в это время узнал
о себе, в чём, как трус, сомневался.

Если встреча дана после смерти, я рад
умереть, расплатившись по срокам.
Как легко я вдохнул ослепительный яд,
был ужален убийственным током.

Знаю всё о себе и на то обопрусь,
но за что, опасаясь как друга,
ты оставил мне этот двусмысленный груз,
тайный знак царскосельского круга?

* * *

Как советский смешной «Музыкальный киоск»,
моя книжная полка, музы́к кладовая,
слух подсаживай, тихо высаживай мозг,
то досаду одну, то мотив выдавая.

Здесь Случевский громоздкий стоит на посту,
здесь Полонский предпраздничный бродит ночами,
здесь князь Вяземский едкопечальный по ту
и Некрасов по эту границу печали.

Перепрыгнув сто лет (знаю их наизусть,
потому нет ни книги, сюда привезённой),
здесь Чухонцев мне путь освещает и грусть
и Тиновская кепочкой машет казённой.

* * *

Где «Юность» – всего лишь журнал,
а «Слава» – железный будильник,
я помню в подъезде подвал,
бутылки, осколки, рубильник –
бомжи здесь хранили свой скарб
и школьники мучили кошек.

...Льёт дождик, юкейский накрап:
The Hope – задрипанный паб
и Glory – зелёный горошек.

* * *

Заварим чай? Давай бубнить
о том, о прошлом.
Нам есть чего присочинить,
что, впрочем, пошлость.

Есть привилегия молчать,
быть хмурым, вещим,
есть — говорить и называть
словами вещи.

В стишке описывай дугу,
пожми плечами,
чтоб стали истинными вдруг
слова вещами.

Хотя зачем серьёзно так?
Всё шутка это.
И мне займы дал Пастернак,
заняв у Фета.

* * *

Молчи уж. Где она, Россия?
Да уж не там, где калачи,
народ, менты и палачи
и где Георгий мочит змия.

Не где берёза и рябина
и всяческие лопухи
обсеменяются у тына.
Она — где я пишу стихи.

* * *

Дед мой, Борис Александрович, мамин папа,
был раскулаченных ссыльных младший сын.
Двадцатого века его скользом задела лапа:
не был на фронте, не репрессирован.

Телегин Борис Александрович, из-под Курска,
село Бупел, в двадцать втором рождён.
Всю жизнь скрывал, что из ссыльных.

Вот, в общем-то, вся нагрузка.

А ещё не вступал в партию, хотя и не лез на рожон.

Прятал свою причину и говорил, что зренье.
Как я узнал недавно, лишенцев не брали на фронт.
Помню, на семейных праздниках некоторое презренье —
свояки-то фронтовики! — лёгкий, неуловимый фон.

Я не гордился дедом. Не был мой дед героем.
Только рот откроет — бабушка тут же: «Молчи».
Зато научил меня в шахматы, недурно паять припоем,
строгать грамотно доски, щели замазывать у печи.

В общем, вырастил безотцовщину, пусть не мачо,
но по-крестьянски крепким простым умом.
Вот почему над гробом не мог без плача.
Да, был ещё пчеловодом, геологом, грибником.

Что дед мой думал о жизни, знал ли какую правду?
Достоевского — бабушка, он — в длинных чёрных трусах
вечером у плиты «Известия» (но не «Правду»)
Вечером кухня — как парусник в парусах.

Стихи суть грехи. В слабости, а не в силе
пишет поэт, в гордыне. Будьте же вы, стихи,
слабыми, без спецэффектов и прочей пыли,
с нежностью обязательно, преимущественно тихи.

Отсюда речь моя пусть их, родных, полюбит,
пусть сделает всё, что может, слабый ночной стишок.
У мамы и бабушки пусть хорошо всё будет,
у мамы и бабушки пусть будет всё хорошо.

* * *

В детском нестрогом раю
бабушка будит меня утром,
приносит кружку облепихового морса,
но я не хочу вставать, хотя на кухне
радио передаёт десятичасовые известия.

В детском нестрогом раю
я слушаю какую-то радиопередачу,
потом мы идём гулять, тепло одевшись,
потом обед, потом строительство
крепости из домино и её расстрел
из пружинной пушки снарядами из карандашей.

Шерстяные носки, тянет по полу.
Сороковая больница на Волгоградской далеко в окне.

Потом придёт с работы дед,
будем ужинать, потом играть в карты,
я обязательно выиграю, дедушка, как всегда, в дураках,
а бабушка, как всегда, мухлюет,
но мы всё видим, и она смеётся.

В детском нестрогом раю
нет отца — он в Москве,
нет мамы — она на сессии,
нет школы — потому что каникулы,
есть только я, ничего не знающий о будущем
и потому счастливый.

Господи, сделай так, чтобы я не прозрел никогда,
чтобы не было никакого будущего
и не заканчивались каникулы,
зимние каникулы 1982 года.

* * *

Ну да, и на плечах у мертвеца.
А от себя ещё могу добавить,
что несколько одутловат с лица
и жопы уши хорошо б убавить.

Но всё-таки какая-то есть власть
и даже спесь, хоть это не в почёте.
И всё-таки — немного удивюсь
меня прочтёте.

* * *

Napishu stikhotvorenje o cirillitse,
o cirillice v tonkoj knizhitse.
Cheres sto let cirillicy sovsem ne budet,
odna latinica budet.

Stikhi po-ruski budut vygljadet' tak.
Ikh chitateli, sootvetstvenno, tozhe.
Edet v londonskom metro aziatskij chudak,
okh, liricheskaja spes' na rozhe.

Strashnye zvuki, slovno rezhut metall.
Strashnye byli bukvy, budto ostov pozharishch.
Privykaj k russkoj muzyke, evropejskij kurzal.
K pravopisaniju novomu privykaj, tovarishch.

* * *

Я прочитал про это в интернете
и загрустил в печали и тоске.
Глобально потеплело на планете,
и мир уже висел на волоске.

Его спасали истово, отважно,
в кино. Спасли. И как давай кричать.
Но гибель мира, хоть немного страшно,
всё ж было мне приятно наблюдать.

Конец о всякой дряни разговоров,
ведь с неба лава льёт как из ведра.
И крах всех небоскрёбов и соборов,
падение Исаакия, Петра...

Не жаль, всё декорации, всё вата.
Но как же книги, книжные шкафы?
А на экране бред смешного фата?
А запах вдоль ж/д путей травы?

Чего-то жаль. Пожалуй, аромата
зелёных лип под сталинским окном
в Свердловске, там, где, может быть, когда-то
я проходил, влюблённый мрачный гном.

Всё, всё пройдёт, исчезнет в тяжком вое
при той ещё, обещанной трубе.
Кто говорил тебе, что ты, земное,
останешься нетронутым в борьбе?

* * *

Что за словом не следует ничего,
как сказал великий их голубой,
я не знал тогда и полно всего
сочинил, чтоб только ей быть со мной.

Остальное — молчанье, как говорил
псевдоним величайший неясно чей.
Я усвоил и вот из последних сил
сам себя из слов выталкиваю взашей.

Мотыльку в метро

Что ты делаешь здесь? Здесь железные ходят машины,
ты витаешь, скользя.
Здесь ворочают сумки, баулы, корзины,
здесь час пик, здесь нельзя.

Кабы я был романтик, сравнил бы с поэзией вящей
в страшном мире тебя,
накрутил бы словес и музЫки добыл настоящей,
что-то там беребя.

Можешь тут полетать-повитать, можешь жить как попало,
но писать — это труд.
Надвигается шум, и толпа набежала с вокзала.
Не отсвечивай тут.

* * *

Не спрашивай. Я сам не знаю, почему
такому пацану
вдруг вздумалось уйти навеки одному
в далёкую страну.

И не предполагай. И мне не предлагай
отмычек и ключей.
В тысячу первый раз рукой не закрывай
смеющихся очей.

И не завидуй, не. Тебе не светит, мне.
Хоть что, хоть двести раз
повисни на ремне, в предутреннем окне,
с слезой у ясных глаз.

* * *

Мой грех всегда со мной:
я думал о себе,
когда гулял с женой,
когда мой друг в беде

был на последнем дне,
когда весна горит.
Всё о себе, и мне
за это прилетит.

* * *

Жёлтый лист неродной пролетает, как фантик,
говорит мирозданию: стоп.
Это я-то и есть настоящий романтик,
несомненный безумец и сноб.

Разворачиваю, словно счастье, конфету
и швыряю под ноги листок.
Молодому пишу отношенья поэту:
я читаю тебя между строк.

Завещаю тебе эту мглу мироздания,
умирания ласковый сон,
по периметру парка багровые зданья,
эти худи, рюкзак, капюшон.

Забери холодок и иронию эту,
этот фантик себе забери.
Этот ритм, не дарующий счастья поэту,
даже это, чуть слышно, «умри».

Даже это «живи», если сможешь, конечно,
разогнать молодое перо,
пока я выбирал: «неизбежно», «небрежно» —
и бежал через парк на метро.

* * *

Вот так вот, классика. Начнёшь тебя читать,
а ты разбросана, немывта, неодета.
Изволь, как сказано, немедля прозревать
в отважном мальчике грядущего поэта.

Прозреешь — он, чудак, напьётся как свинья.
Ещё прозреешь — он нашкодит, шалунишка.
Теперь завистников вонючая возня —
всё тень проделок тех, хотя певцу и крышка.

Но он-то, други, жил. А вы всегда мертвы.
Пацан живёт в стихах, весёлый и смешливый,
и смотрит, как, кряхтя, хвалу поёте вы,
о, умники, и ржёт, свободный и счастливый.

* * *

— Теперь, когда на лучшей стороне тебе сиять, скажи, за что брезгливо ты думал так печально обо мне, за что в ответ молчал красноречиво?

— Я жизнь любил, а ты её берёг, всё экономил, всё из сотни двести пытался выжать, как в нору сурок, скрывался ты и не был с кем-то вместе.

— Я жил среди книг, читака и поэт, людей не знал — они меня пугали, в смущенье робко выползал на свет, таскался за нуждой, положим, к Вале.

— Живи, живи. Пусть эта западня убережёт разумника до срока от мира звёзд, что падают, звеня, от раннего, но пышного оброка.

* * *

Что белеет в той зелёной роще?
Снег ли это, лебеди ли это?
Нет, дружок, здесь всё намного проще:
майка белая российского поэта.

Выскочил из дома, побежал он
под британским дубом да берёзой.
Не от пуль бежит он и кинжала
и трусит не пьяный, а тверёзый.

Ни в одном глазу, здоровьем пишет.
Чтит в стихах балладную ухватку.
Много пишет, чуть поменьше слышит,
глаз косит на стройную мулатку.

Музыку, что в голову приходит,
он сначала стороной обходит,
а потом поближе к ней подходит,
а потом стишок ей обиходит.

Вот и вышла беглая баллада
и пробежка обернулась словом.
Что ж, баллада, видимо, расплата.
Но над рощей облако заслоном.

* * *

У нас вчера открылась пиццерия.
Трубил в трубу немолодой трубач.
Ажиотаж, подарки, булимия,
афробританцы, дети, ор и плач.

Надули много шариков, для смеха
навесили цветов на ворота.
Как скучно жить. Как жалко человека.
Какая ложь и подлость красота.

* * *

Для того чтобы мальчик, в Уральских горах пропадающий,
говорящий с уральским акцентом, прочёл и сказал:
«Во даёт, сукин сын!» – я, иного внимания чающий,
это всё написал.

Я и есть этот мальчик. Точнее, я был этим мальчиком.
Я таскался на почту и эти журналы читал,
где печатался сноб-эмигрант с оттопыренным пальчиком.
Стать таким же мечтал.

Кофе лавою в глотку, сонеты помалу в журналчики,
в горле желчная горечь и ком.
Извините, я не консультирую, мальчики.
Наперёд не скажу ни о ком.

* * *

Помнишь, мы прятались тут от дождя,
долго и молча стояли,
бунинский стих в подсознание крутя —
я, ты — в угрюмой печали?

Дождь лепетал по железу машин,
мокнул оранжевый фантик,
трезвый и жадный поэзии сын
к строчке привязывал бантик.

Надо мне было сказать обо всём,
но ни о чём не решился,
только стоял занимался стихом.
Вот и стишок завершился.

* * *

Праздник жизни, молодости годы
я просрал,
другом лени, баловнем свободы
не бывал.

Помню лишь – зубрёжка да занудство,
вечный страх,
никакого, в общем, безрассудства
нет в стихах.

Всё пришло надёжно, только поздно
пить боржом.
Над погибшей юностью, серьёзно,
хоть поржём.

Из нелепой юности поэта
выну что?
Господа, что скажете на это,
не на то?

* * *

Что стихи? Дураки и дуры
пишут их. Покраснело веко.
О, какие проходит руды
голос частного человека,

чтобы выйти из подворотен,
мандельштамовских (типа) штолен,
чтобы объявить, что свободен
и желает батона, что ли.

Чтобы музыка подыграла
тихо, сладко в радиоточке.
Чтобы липа в окне нависала,
ну и прочие все цветочки.

* * *

«В противовес бы что-нибудь лёгонькое», — говорил актёр в фильме молодости родителей. Как в бреду, вот весёлого детства печальный двор, тополя качаются на ветру.

За сараями прятался горизонт,
я залезал, заглянуть старался за ту
сторону, жадно глотал озон
после хрестоматийной грозы, вымывшей высоту.

Вот печального детства весёлый двор,
те сараи снесли, построили институт,
где была голубятня и птичий ор
и ещё дровяник. А теперь вот парковка тут.

Там, подальше, кладбище (впрочем, оно-то есть)
с обелиском дятловцам, церковкой, а ещё
лютеранский погост, вот он уничтожен весь,
и теперь там парк, сиротливо так и нищо.

Контингент был смешанный: заводской народ,
два убийства помню, «химиков» и шпану,
не любил их, но никто из них не живёт,
чего не скажешь про профессорскую жену.

Днём двери не запирали, соседки сидели с детьми,
готовили что — угощали всех,
ух, какие блины у Натальи Матвеевны, и!
А как мясо рубили в подъезде — и смех и грех.

В поисках идентичности смотришь сон,
там тополя качаются, звука нет,
там в подъезде шибает крепко мясной бульон
и разрывает окна небесный свет.

В баре

Когда автомобильной музыки
на тротуаре скачут пятна,
когда слова простые русские
шептать физически приятно,

когда все кажутся животными
и, словно на полотнах Фрейда,
зияют животами жёлтыми,
и согнута живая флейта,

и эти люди с пивом, пиццами,
и этот мыслящий репейник,
сверкающий рулём и спицами,
и этот горе-муравейник,

шепчи, шепчи же: «У, животные»
и что-нибудь потише, матом,
мигают красные и жёлтые,
потом зелёные ... там!

* * *

Краб оркнейский, орешек, дружок-пирожок,
тонкий панцырь, горошком глаза,
ты жевал корешок и попался в мешок,
набежала волна, как слеза.

И шотландская северная душа
промолчала, и сжалась клешня,
а потом в кипяток, как морского ежа,
а потом на прилавок плашмя.

Нож проворно в руке у Джанис или Джейн
провернулся, и вся дребедень
шлёп в ведро, а из мяса, добавив портвейн,
приготовили пасту – не лень.

И обратно ту пасту замазали в чрев,
в лёгкий панцырь, отскобленный в мел.
Я подумал, что вот, стал ты фарш, а был лев,
хлебом краба заел.

* * *

Получая премию «Безразличие»
(каждый день миллионы тонн),
он тербит своё величие
и в стихах навевает сон.

Отрывая премию «Развлечение»,
прикупая хлебца, окорочок
и сметанку, чует влечение,
нехороший укол в бочок.

Помни, серое, пучезлазое,
там-по-разным-книжонкам-лазое:
имя лирику – Архилох
испокон.
Окорочок, однако, неплох.

* * *

Всегда приятно обойти коллег.
Мы тут, в цеху, работаем с металлом,
кто – с беспощадно-белым, кто-то – с алым.
На куртке бэйджик – «Дозморов Олег».

Я – больше притворяюсь, чем кую,
хотя мой молоточек всем на зависть.
«Ты куй, новаторствуй!» Но я, мерзавец,
как прежде, посылаю всех к кую.

* * *

Поэт с Урала? По-любому гопник.
О, слабые Московии сыны!
Вы заслужили разве что поджопник,
пускатели завистливой слюны.

Но не одно ли детство и пацанство
у нас? Стреляем грамотно с двух рук:
кладём все рифмы в вечное пространство
и обаятельны, как юный Микки Рурк!

В парке. На мотив Елагина

Вот мальчик на скамейке рядом с мамой,
отменно хулиганистый пацан.
Отсюда жизнь его видна до самой
пробежки титров, как кинороман.

Он станет замечательным поэтом,
как лучший друг, как я бы, может, смог,
а может быть (не хочется об этом),
убийцей станет, вышибет мне мозг.

А может быть, совсем никем не станет,
счастливым будет, ну совсем никем.
И свет небес его не одурманит,
и дольний блеск не соблазнит ничем.

* * *

Слов тридцать — и хватит. Сегодня он ярче
рябины поверху оград,
но всё-таки он отстреляется раньше
вчерашнего, этот закат.

Спасибо вращению бедной планеты,
спасибо наклону оси,
растаяло тридцатьдевятое лето,
меж рамами — гильза осы.

Смешно и печально. Во мне наклонилась
какая-то важная ось:
дни стали короче, а ночь удлинилась,
почти ничего не сбылось.

2016 – 2019

* * *

и четвёртой волны как писали пена
нет планктон планктоном идёшь с работы
господи думаешь неизменно
это всё или всё-таки повороты
могут быть и вообще всё у нас отчего так
оттого что скифы мы идиоты
оттого что любим кулак системы
не трудились все до седьмого пота
от Невы до Лены пьяны и немы
или проще всё служители Иппокрены
акростих Ерёменко не сработал

* * *

Памяти Якова Андреева

«Ах, осень. Сплошные подарки:
дни солнечны, утра сухи.
Три ивы в окраинном парке –
как лучшие в мире стихи.

Здесь трасса проходит и копать,
как опыт, на листьях лежит.
Но всё же, должно быть, должно быть,
мною будет сей день пережит».

Писал безупречно свердловский,
сугубо уральский поэт.
По виду упрямый и жёсткий,
в пальто на подкладке одет.

Сверкая большими очками,
он Решетова нам читал
(а мы – мандельштамовский «Камень»)
и точность и смысл отмечал.

Читал нам о чуде и Анне
из Межирова, а потом
вдруг как-то закуривал странно,
минуту молчал о своём.

Багрицкий, Сельвинский, Кирсанов,
Самойлов, Берггольц, Смеляков...
...в субботу в Дворце пионеров
для двух задавак-пацанов.

Печатал в «Вечернем Свердловске»
дурацкие наши стихи.
Когда-то бил левою в боксе
и не был субтилен и хил.

Работал в «Свердловске вечернем»
в отделе культуры и пил.
И в небе уральском, лечебном
себя по ночам находил.

Он умер. О нём сочинили
в союзе пять строк, некролог.
В автобус родню посадили.
Шёл мелкий февральский снежок.

Но на отпевании в церкви
я видел, как, бедно одет,
ему до земли поклонился
уральский великий поэт.

* * *

У дождя вся жизнь — одна минута,
как у нашей у случайной речи.
Дождь идёт, а где идёт? А тута.
Не кончайся, дождик, лей на плечи.

То прямой, а то косой, наклонный,
дождь идёт простой, неугомонный,
в юности достаточный для речи,
а теперь лишь вымочивший плечи.

* * *

Плебейское стремленье удивлять
метафорой, эпитетами, рифмой
(новаторской, нелегкокрылой, рыхлой)
приятно задушить и растоптать

в себе. Но где взять сказок старины,
где – аристократических замашек,
где – лихости, любви, гусарских ляжек?
Мне всё равно до них как до луны.

* * *

«ВКС России нанесли
(тут в загрузке файла перерыв)
...дары по позициям ИГИЛ».
И сажу и пляжусь, рот открыв.

Хоть представить это нету сил,
загляну в космический прицел,
в чёрно-белый сумасшедний день,
хронику сирийского дичка.

В кузове пикапа пулемёт.
В перекрестье видеозрачка
вкось метнулась маленькая тень.
Отбежит, успеет, отползёт?

Нет, накрыло, всё заволокло
облаком от взрыва. Человек
это был. И всё заволокло
серым дымом. Это был, Олег,

человек. Он родину любил.
Прославлял Аллаха своего.
Широко разлились Днепр и Тигр.
(С Каспия, наверное, «Калибр».)

Он бежал оттуда что есть сил.
(Я бежал оттуда что есть сил.)

Чувствовал, что смотрит на него
дрона нечувствительный зрачок.
Разнесло преступный мозжечок.

Как мы все пропитаны войной.
Я не понимаю, что со мной.

* * *

Сосредоточенный и хмурый,
я чутко с юности следил
за нашею литературой
и в ней немножко наследил.

И в бурной зависти плебея,
и в дикой гордости певца
практически сроднился с нею,
и ламца-дрица-гоп-цаца!

* * *

Что же всё-таки? (Дикая нежность,
долгий путь с ноября до весны
и окраин неброская внешность.)
Что ты сделал для этой страны?

Что ты сделал, чтоб было грустнее
(но не слишком), чтоб голос дрожал,
чтобы песню чуть-чуть понежнее
нам водитель в маршрутке включал?

* * *

– Тепло в конце октября –
кайфа на два-три дня.
Что же, мой друг железный,
ты скучал без меня?

– Я всю ночь простоял
в коридоре, я ждал.
Что ж, садись на меня,
на своёва коня.

– Ты ж английский, дружок,
у тебя есть рожок,
спицы, два колеса.
– Умирают леса,

погибают, гляди.
Я пернатым сродни,
у меня есть душа...
– Ну, пошёл не спеша.
(Душа у него, ежа.)

* * *

В бескрайних полях Уимблдона,
где в теннис играет народ,
бредёт англичанин бездомный,
гитару и спальник несёт.

На нём дождевик грязный очень,
и псина голодная с ним.
Идти дальше нет уже мочи,
он видит: «Макдоналдс» пред ним.

К «Макдоналдсу» парень подходит,
чизбургер на чеки берёт
и грустную песню заводит,
про родину что-то поёт.

И текст этой песни несложной
я б запросто вам перевёл,
да я не дослушал, тревожно
дал денег и дальше пошёл.

Вдруг стало отчётливо ясно,
что любит он жизнь, и страну,
и женщину, что так прекрасна,
а я ничего не ценю.

* * *

город ровный город плоский
детство в сказочном свердловске
можно долго вспоминать
душу нежно вынимать

убивающий поэтов
извергающий певцов
город финок и кастетов
город нежных подлецов

город нежный и бесстыжий
город песен и стихов
город мокша город рыжий
город рома тягунов

* * *

Аппаратом «Смена-Символ»,
абсолютно некрасивым,
пионером – галстук ал –
школьник жизнь свою снимал.

И теперь на эти снимки
я гляжу не без заминки:
вот тропинка, вот лесок,
тут зернистость, тут «песок».

Тут вот небо надо мною,
это всё моё, родное,
это всё на букву «Р»,
знает каждый пионер.

Косо, криво, с полосой,
нет, с какой-то неземною
тенью вдруг наискосок,
с выдержкою на глазок.

Горизонт всегда завален,
снимок словно инфернален,
что такое? Как понять?
Это символ, твою мать.

Будешь в будущем далёком
видеть редко, ненароком
пионера страшный сон:
плёнка кончилась, ту сон.

* * *

Осень в графстве Суррей, золото и сурик.
Белые соседи
травку засмолили, что не есть похвально.
Что грустишь ты, дурик?
Всё у них нормально.

Кончены работы. Опустели грядки. В небе самолёты.
Чёрные соседи
барбекю готовят. В самом деле, что ты?
Всё у них в порядке.

Что-то завершилось, что-то не случилось.
Сосны-великаны. В воздухе как плёнка.
С дымом от жаровни ввысь уходит тонко
дым марихуаны.

* * *

Как надеется онкобольной,
а потом устаёт, умирая,
ждать и верить, так я, как слепой,
за тобою иду (ты святая).

Отыщи меня в самом хвосте,
в том кругу, где последние силы
отдают за слова на листе,
за приветливый взгляд, за «мой милый».

* * *

Нет, ничего почти что не осталось
от города, где я когда-то вырос.
Где дизельный оранжевый «Икарус»?
Где будки красные, скажи на милость?

Где на Восточной то кафе «Ромашка»?
Где магазин «Мелодия» известный?
Не вышла ли у времени промашка?
Не слишком густо замесилось тесто?

Где гастроном «Центральный», кафетерий?
Где бутерброды с докторской и кофе?
Где пирожки с повидлом – пять копеек?
Где остограммиться с Казариным, позвольте?

Где чебуречная в большом «Рубине»?
Где общепит наш скромный весь советский?
Пельменная на Горького где ныне?
И где мой птичий рынок Верх-Исетский?

Где горе-автоматы с газировкой?
Сказать по правде, время всё смахнуло,
как крошки со стола, а что осталось,
то ветром по забывчивости сдуло.

Я очень старый, помню слишком много.
Мне сорок пять, а кажется, что вечность.
Я о грядущем вовсе не тоскую,
мне подавай элегию, беспечность.

Я ни на что в веках не посягаю,
я лишь зову Романа, Борю, Лену.
Я ничего, по совести, не знаю,
всё рифмами и смертью отделилось.

Свердловская элегия

...я помню, что здесь, через двор,
где памяти нищей развилки,
в подвале сдавали бутылки,
валялись осколки и сор.

На Ленина, 101, за
вонючим, как ад, гастрономом,
в подвале бездонном, огромном,
приёмщица – фурия зла.

Она управляла толпой,
бутылки как бог браковала,
бабачила и быковала,
блистала фиксой золотой.

Наверх от окна-алтаря
живой извивался придаток –
унылый и робкий десяток
возжаждавших прямо с утра.

И я там с молочкой стоял
и эту блевотину нюхал,
и детского нежного слуха
глагола коснулся металл.

Спускался, как будто Орфей,
назад поднимался, сжимая
рубль двадцать, и песня живая
казалась мне пением фей.

Звучала в немытом окне,
на блюдечке звякала мелочь,
невиданной музыки смелость,
и пел «Чингисхан» о войне.

* * *

Кате Капович

Я хотел написать про отца,
но потом побоялся писать
и сижу вот теперь как овца
и не знаю, как это сказать.

Из всего, что я помню о нём,
я бы выбрал один лишь момент:
не прогулки на лыжах вдвоём
и не прочий такой сантимент.

И не в кружке пивной дихлофос,
и не в мать через стол табурет,
не игрушки мои, что унёс
и пропил, а мне было шесть лет.

Сын отцу благодарен за то,
что однажды в попойке глухой
не про Брежнева он анекдот,
а «Пинк Флойд» различил неземной.

Несомненно, Wish You Were Here
там играл, ну а если и нет,
то искупит любые грехи
тот — возможно, мифический — свет.

* * *

Девочка, не знающая Блока...
А. Дементьев

Девочки, не знающие Блока,
Тютчева не ведавшие, Фета,
о стихах судили однобоко:
все поэты словно с того света.

Бродский нарекался слишком броским,
Заболоцкий – скучным, но представьте,
что случилось с пареньком свердловским,
если девы сбрасывали платье.

Я читал им, обалдевшим, «Праздник»,
розы в вазе, дымно и угарно,
и они устраивали праздник,
искренне и чуточку бездарно.

Суп варили, верили в приметы,
были не придуманы, а были,
никогда не ввали, Веры, Светы,
о себе рассказывали были.

Девушки, серьёзные глупышки,
дурочки прелестные с Урала,
гордые, застенчивые мышки,
бритые подмышки, страстно, ало.

* * *

Я стал болеть за «Брайтон»,
а раньше за «Урал»
переживал по правде,
голы у них считал.

А мог бы за «Торпедо»,
где тёзка мой играл,
за скорую победу,
но беспринципен стал.

Но есть одна команда,
которую люблю
всем сердцем эмигранта,
когда и ем, и сплю.

Мне было лет двенадцать,
и я в Крыму купил
значок «Динамо-Киев»
и с гордостью носил.

Здесь нету ностальгии
ни по СССР,
ни по кипчакской пыли —
я в этом малOVER.

Нет, просто те ребята —
Заваров и Блохин,
Беланов, Яковенко —
они и есть дрим-тим.

Не потому что в клочьях
«Атлетико» лежал.
Красивее футбола
я больше не видал.

* * *

- Тебе чай или кофе?
- Мне рифмы и строфы.

- Пальма или рябина?
- Один леший там глина.

- Родина или остальное?
- Пушкин, море, застолье.

- Ты за белых или за красных?
- Я за несчастных.

- Прямо вот за несчастных?
- Ну, тогда за прекрасных.

* * *

Человек задумал барбекю,
прикупил хорошего мяска
и к тому хорошему мяску –
зелени, которая мягка.

Мясо круто замариновал,
лук порезал кольцами судьбы,
и салат так зелен был и ал,
мягок хлеб, тут перец, тут грибы.

И взалкал, как всякий человек,
если человеку шашлычок
или же горячий чебурек
предложить и в рюмке коньячок.

Но сгорел обещанный шашлык,
сорвался обетованный рай,
и остался лишь ножовки вжик,
на природе скромный миртрудмай.

Человек и впрямь берёт пилу,
молоток, топор и два гвоздя
и до ночи у себя в углу
мастерит хрен знает что, грозя

богу, мирозданию, судьбе,
матерится, глупо рот открыв,
вызывая у меня к себе
неприличной нежности прилив.

* * *

Ну что с того, что я там жил
и с ним дружил?
Теперь я словно ветеран
без тяжких ран.

Всяк любознательный пиит
мне говорит:
так почему же суицид?
А я весь стыд.

А я как чёрная слеза,
уехал за
бугор, не помню ни черта,
и тут черта.

Не помню я про тот балкон
и дверь, где он...
Не помню час, когда звонил,
что говорил.

И у меня ответов нет,
погиб поэт.
Мне ваша пьяная слеза
саднит глаза.

Я жив остался, а другой
сыграл с судьбой
в одну опасную игру,
а я тут вру.

* * *

Так я любил тебя? Спроси об этом
у той ночной куриной слепоты.
Но время сделало меня поэтом,
тебя – воспоминаньем красоты.

Ты женщина. В дипломе – Кюхельбекер.
Как нужно говорить о чём-нибудь!
О, эти обещания навеки
и маленькая грудь.

Но мальчик долго помнил это тело,
и запах, и тоску.
Как ты хотела этого, хотела!
И твоему соску

он говорит в беспамятстве, как раньше:
алей, твердей.
Всё это быть могло бы наше.
Как не бывает у людей.

На смерть бегемота Алмаза в Свердловском зоопарке в 2012 году

Умер бегемот Алмаз
в городе у нас.
Сразу сделалось печально,
потекло из глаз.

Он почти что мой ровесник,
умер в тридцать семь,
умер, словно буревестник,
старенький совсем.

Бегемота помню с детства,
он лежал в грязи, как тесто,
ел, болел, икал.
Убирали кал

и кормили не капустой –
жёсткой и невкусной
ёлкой прямо из ведра.
Жизнь страшна, тверда.

Жизнь как у гиппопотама,
одиночество и травма
каждого здесь ждёт.
Человек – урод.

Будешь жить в зловонной яме,
будь ты хоть из библии,
африканскими очами
умолять о гибели.

Ну-ка, песенку сложу
с рифмами неточными,
зря я, что ли, тут служу
стихуполномоченным.

Песенка:

Мама, я хочу работать
в нашем зоопарке,
и большого бегемота
поливать из шланга,

и кормить его морковью,
сладкой и оранжевой,
и дарить его любовью
и облагораживать.

Мы стояли на краю,
глядели внимательно.
Все животные в раю
будут обязательно.

* * *

Отговорила роща золотая
меня гулять, поскольку дождик лил
отсюда и до самого Китая,
нет, это он меня отговорил!

От них не спрячешься и на краю Европы.
Я с юности к метафорам привык.
Ох, эти мне есенинские тропы,
ох, эти рощи, длинный их язык.

* * *

Едем долго в поезде на море,
трое суток, горы, терриконы,
ух ты, за окошком кукуруза
и невиданных подсолнухов заливы,
детство, детство — едем в Крым, Украину!
Лобановский и Тарас Шевченко,
о, земля невиданных растений,
кипарисов, эвкалиптов, пиний,
Симферополь, солнцем раскалённый,
раскалённый солнцем наш троллейбус,
справа горы, слева тоже горы,
полтора часа до побережья,
и внезапно, как в конце аллеи,
как из-за угла с ножом убийца,
как событие размером с память,
всю, всех нас, людей, одновременно,
как сама любовь, судьба и гибель, —
море — как стена из лазурита,
море — как картина из музея,
море — как доска воды, как лента,
а над морем — небо, тоже море,
голубая глубина, Платонов.
Нет на русском слова для восторга,
можно только сравнивать и плакать.

Здесь и нужно бы терять невинность,
здесь и нужно начинать пить пиво,
в видеосалон и дискотеку
заходить в отглаженной рубашке!

Есть мороженое с ягодой черникой,
загорать на очень твёрдой гальке,
очередь огромную в столовой
отстоять с чудовищным подносом,
сбирать по вечерам монетки,
выброшенные на песок прибоем,
ночевать в хибарке под навесом
из ветвистых груш и абрикосов,
закурить не что-нибудь, а «Космос»,
видеть сны и жизнь любить смертельно,
это юность — с настоящим морем,
настоящим дымом, трёхлитровой
банкой кислого вина, «Каталой»
в поселковом «Луч» кинотеатре,
что тебе Крапивин, «Каравелла»,
если сам ты видел море, море, море.

А теперь — на поезде свистящем,
шелестящем сорок три минуты,
вот и Брайтон, грязный и роскошный,
полный скуки, денег, попрошаек,
«Мазерати», велосипедистов,
уличных художников, киосков
с устрицами, крабами, рачками,
вегетарианскими меню и
перекусом триста раз на дню и
жарким солнцем и холодным морем,
девушками толстыми, худыми,
спутниками их в цветных наколках,
пляжными певцами и гребцами,
стойким ароматом «марьиванны»,
самолётом кувыркающимся в небе,
теплоходом неподвижным в дымке,

и полями ветряков на горизонте,
и усталостью от жизни и поэзии,
вот бы всё вернуть, да где там, где там,
жизнь не ванька-встанька, не игрушка,
а цепочка глупых положений,
без сюжета, смысла, просто время,
просто за окном — насквозь — пространство,
и обратно поезд в душный Лондон,
интернет бесплатный, это счастье,
вот в фейсбуке милые мне люди,
родина с промытыми мозгами,
озверевшая сестра поэта.

* * *

Про два стучащих башмачка
и ног скрещенья
я прочитал Пастернака́
не без волненья.

Кроссовки, кеды и т. д.
летели на пол
в пятиэтажке у ЦГ¹.
На кухне капал

проклятый незакрытый кран.
Трусы в полоску
и твой продавленный диван,
по краю плоский.

Я б мог в то утро потерять
причину жженья,
но ты решила поменять
своё решенье.

Оделись и, смеясь, пошли
на третью пару.
А ты давай, поэт, пошли
без гонорару.

---

¹ Центральный гастроном в Свердловске на проспекте Ленина, напротив университета.

* * *

Пели про поезд в огне,
ждали великий рассвет,
а оказались в говне,
и ничегошеньки нет.

Ну и плевать. Почему
хочется всё же прозреть:
было ли петь ни к чему
иль невозможно не петь?

* * *

Идёт бычок себе, качается,
и скоро досточке привет.
Запас словарный не кончается,
но уточняется поэт.

Не ототрёшь засранца пемзою,
да и родился не вчера.
Вот над почти что русской Темзою
как бы хрустальны вечера.

Заткнись, не знавший Фета Хаусман,
ты, Тютчев внутренний, молчи.
Скрывай гармонию за хаосом,
не жалуйся и не ворчи.

Кому милее одиночество,
тому положена медаль.
Засунь в такое место творчество,
откуда взять потом не жаль.

Подальше это всё запрятаешь,
потом элегию возьмёшь.
То за гармонию поратуешь,
то поругаешь молодёжь.

Спеклись по одному поручики.
Один в петлю чем свет полез.
Другой следит на небе тучки и
ист-сассекский стебает лес.

Какому лешему мы преданы?
Мы все из Агнии Барто,
нам сны такие заповеданы,
что не расстроится никто.

Нас вспомнит Саша¹ в жарком Питере,
в нижнесаксонском городке
вспомянет Лена², и не вытерпит
в Свердловске Дима³ — и в пике.

Не будем уточнять, что кушано
и из какого стопаря.
Нас Рейн не принял на Куусинена⁴,
вот это точно было зря.

---

¹ Александр Леонтьев.

² Елена Тиновская.

³ Дмитрий Рябоконт.

⁴ Евгений Рейн отшил нас с Борисом Рыжим, когда мы пришли к нему домой на ул. Куусинена со стихами в 1997 году.

* * *

Поставим лайки умирающим
и голодающим в тюрьме,
страдающим и погибающим,
да просто кто на самом дне.

Потом чуток приостановимся,
построим новый бутерброд,
а то колбаской оскоромимся
(интеллигенция, ах, скромница!)
и снова потечём в народ.

* * *

день сегодня нехороший
умер человек
словно хлопнули в ладоши
и ушёл наверх

не торжественно не чудно
просто пасмурно
видно всем нам очень трудно
жить без всяких но

лишь потом находишь слово
типа тонкокож
слово впрочем не основа
тёпленькая ложь

* * *

Дмитрию Кадочигову

Очки назывались «фрики», карты – «стиры».
«В стирь сводишься?» – спрашивал Гриша.
«Деберц или терц?» – «Да давай в буру.
Очки считать проще».

Мы всемером жили на Днестровском лимане,
ходили за вином в посёлок Каролино-Бугаз.
Смотрели «Рокки» в видеосалоне.
Это было лето девяносто первого.

«Я приехал из Америки на зелёном велике.
Кручу-верчу, обмануть не хочу».
Гриша хитро прищурился. «Сдвигай».
После рифлёной тасовки

карты сами ложились в руки.
Мы закуривали кишинёвский «Космос».
Андрей стабильно проигрывал сигареты.
Шёл июнь девяносто первого.

Гриша пересказывал фильм «Катала».
Миша открывал ключами вино на пляже.
Я читал Бердяева, ребята – Толкиена.
Медузы мешали плавать.

Книга Толкиена была одна, большой дефицит.
В первый же день все сильно сгорели.
Пляж, между прочим, оказался нудистский.
Неподалёку сношались пары.

Что ещё рассказать? Я не дочитал ни «Хоббита», ни Бердяева.
Мы ездили в Одессу на электричке.
Пили пиво в «Гамбринусе» из пол-литровых банок.
Пиво было плохое.

Лето тянулось банальное и какое-то довоенное.
Не в том смысле, что завтра была война.
Пока мы шпилили в карты на Днестровском лимане,
кончилось советское детство.

* * *

Человек зашёл в аптеку.
Не затем что хочет жить,
просто чтоб поговорить.
Одиноко человеку.

Чтоб затеять разговор,
покупает карамельки,
задаёт вопрос про стельки,
ищет мелочь, порет вздор.

Он почти уже старик.
Слушает его аптека.
Очень жалко человека?
А в ответ не всхлип, а хмык.

Так вот и молчим: пиит,
дочка с мамой, соцработник,
с лицами как подлокотник,
все имеем глупый вид.

Все мы знаем, что к чему
в этой жизни драгоценной,
нежной и обыкновенной,
ускользающей во тьму.

1992

С поэтом Анатолием Фоминым,
не известным почти никому,
мы пили «Агдам» за оперным
театром, и я говорил ему:

«Толя, кроме Мандельштама
и Тарковского, поэтов ведь до хрена,
так на хрена посылать всех на?
Ну что за школьная, блин, программа?»

Толя отхлёбывал и молчал.
Толя молчал и отхлёбывал.
И я понемножечку прозревал,
хотя он возразить и не пробовал.

И теперь я думаю, что он прав
был, ну то есть прав абсолютно.
Не потому что настолько немногочудно,
а потому что, если наступит крах,

эти двое вытащат всю поэзию.
И мы сидели и таращились на огни вечерней зари,
грамотно пройдя по лезвию
ноль тридцать три.

* * *

В 1909 году Александр Блок получил наследство от отца
и потратил эти деньги
на путешествие по Европе.

Два с небольшим месяца
он и Любовь Дмитриевна
ездили по Германии и Италии.

В Италии они побывали в двенадцати городах,
не доехав почему-то до Рима,
впрочем, они и так очень устали, конечно.

Надо сказать, что окружающая жизнь и итальянцы
совсем не интересовали Блока.

«Людей здесь нет, только небо», –

написал он в дневнике.

В Италии Блок искал только искусство.

Вообще об этом есть хорошая статья Ольги Седаковой,
так что я не буду повторяться

Так вот, итогом путешествия поэта
стал гениальный цикл «Итальянские стихи».

Я помню его наизусть почти целиком.

Может быть, это лучшее, что написано Блоком.

Но я не об этом.

В Италии мне довелось побывать несколько раз.

Не сказать, что я строго следовал маршруту Блока,
но кое-что из виденного им запомнил.

Кроме того, я видел Рим, а он нет.

Италия грандиозна.

Рим потрясающий и живой город.

Итальянцы прекрасны.

Но я не сочинил об этом ни одной строчки.
У меня даже мысли об этом не было.

Зато Саша Леонтьев
вернулся из своей единственной поездки по Италии
с огромным циклом стихотворений.
Масштаб освоенного Сашей культурного наследия
колоссален.

Его итальянский цикл я читал со словарём.
Я уверен, что познания Саши
в итальянской истории и искусстве
превосходят блоковские и приближаются

к Вячеслав-Ивановским.

Саша знает о Риме столько,
что может водить там экскурсии.

Я же помню только жару, пересохший Тибр и ужасную пиццу.
Ещё чудовищно грязные кварталы в районе вокзала.
И пиджак Бродского, который мне показала Аннелиза Аллева.
Я не стал его примерять, хотя мне бы разрешили.
А я зачем-то читал ей стихи Решетова
и нарвал домой лаврового листа в парке.
Ещё у меня в Риме болела нога —
я, кажется, сломал палец
и все дни в Риме хромал, как каторжник.
Особенно тяжело было в Колизее,
античных Лужниках, огромном сооружении
для изощрённых убийств.

В общем, Рим был мукой.
Хотя, конечно,
я посетил там всё, что можно успеть за пять дней,
в том числе домик Китса,
гостиницу, где жил Гоголь,

и, конечно, кафе «Греко», где не было мест.
В районе Форума был потрясён
пяти- и шестиэтажными кирпичными домами,
построенными две тысячи лет назад.

Я вырос среди таких домов в Свердловске,
в районе Втузгородка.
Их тоже строили рабы – пленные немцы.
Но я не об этом.

О бытовой стороне Италии у нас уже имеется
«Сапожок» Рейна.
Тягаться с ним невозможно.
Это, наверное, лучшее, что он написал.
Я помню эту книгу почти наизусть.
С ней связана одна история.
В 1997 году мы с Рыжим пришли к Рейну домой
на Куусинена.
Саша Леонтьев должен был предупредить мэтра,
что к нему явятся два молодых поэта из Свердловска.
Мы позвонили в дверь,
спустя вечность её открыл сам Рейн.
Мы вошли в сумрачную прихожую, отрекомендовались.
Рейн в нос протрубил, что да, Саша предупреждал,
но он занят с автором, поэтому принять нас не может.
И действительно, где-то в недрах квартиры
чувствовалось присутствие неведомого нам автора.
Мне почему-то кажется, что это был Глеб Шульпяков.

Рейн взял наши стихи и обещал прочесть.
В его словах нам почудилась слабая надежда.
Напоследок я попросил Евгения Борисовича
подписать нам «Сапожок».

«Дозморову и Рыжему с приветом Рейн», – волнисто написал он.
Книга была моя, и мы решили, что теперь она будет общей.
«Это ваш зонт?» – спросил Рейн. Мы были без зонтов, но от растерянности сказали, что наш.
И на прощание Рейн отдал нам чужой клетчатый зонт, похожий на шпагу.

* * *

потому что музыка проститутка
потому что хлещет из утюга
жутко жутко а смотришь шутка
гуси-гуси и га-га-га

почему золотым запасом
вечно пользуется не тот
не понять человеческим массам
им-то басня нам анекдот

кто легко танцевал всё лето
а потом украл урожай
стрекозиный танец поэта
бегай быстро соображай

* * *

«Мне нужно, блядь, купить помаду,
что смотришь, старая пизда?»
Я наших узнаю по мату
и по одежде иногда.

Я вздрагиваю и немею,
бледнею, но не в этом суть.
Я проявить себя не смею,
плетусь за ними как-нибудь.

Я одинок в своей пустыне,
мне русский мат ласкает слух.
Родная речь! Я твой поныне,
как кобелёк по следу сук.

* * *

Стихи крутые все написаны.
Поэты после сорока
с физиономиями кислыми
и сединою у виска.

Куда деваться. Стыдно, боязно,
где вы, весенние деньки?
Но лезут нагло и бессовестно
в литературу дяденьки.

Они согласны хоть верлибрами,
у них ресентимента нож,
готовы в парке ссать под липами
и злобно лайкать молодёжь.

* * *

— Ты знаешь Постоногова? — Отнюдь.
— Тебя бы познакомить. — Познакомить?
Считалось всеми, на него похож я.
А я и знать не знал, кто он и что.

Я и теперь не знаю. Странно, правда?
Вам говорят, что вы похожи так,
что мать родная вас не отличила б.
А вы в ответ мычите. Кто такой

счастливый этот Постоногов? Где
его найти? И почему он, дьявол,
похож так на меня? Он человек?
А может, биоробот, убежавший

из их какой-то тайной мастерской,
где биороботов приводят в чувство.
О, почему я должен это думать?
О, где же ты, прекрасный Постоногов?

Мне без тебя ни счастья нет, ни жизни.

Кефир

Когда вот я такой — не подходи.
Хожу по дому словно Мефистофель.
И мой задумчивый и кровожадный профиль
жену бросает в дрожь. Уйди, уйди!

А то в иной войду себе зон.
Застыну вдруг, открывши холодильник.
Что я хотел? Не помню. Иль в урыльник
гляжу, задумчив, как Наполеон.

Зачем, зачем я в комнату зашёл?
А в холодильник что — хотел арбуза?
Засранка муза шепчет: «Аркебуза».
Зефир, эфир... Короче, я нашёл.

* * *

Оказана милость,
и осень в предместьях стоит.
Мне тоже приснилось,
что сердце моё не болит.

Скажи прежним тоном,
что любишь листву ворошить.
Как будто центоном
мы можем её оживить.

Но я-то читаю
все строфы и помню железно –
там сказано: знаю,
дорога моя бесполезна.

От той ли печали
и в платье из красных шелков
стоит за плечами
мой ангел без мыслей и снов?

* * *

Какое слово «рубериод»,
оно в строке — что твой рубин.
Но мигом скажут: антропоид,
а я — надменный господин.

Я господин из Сан-Сранциско,
есть у меня одна мечта,
сказать в стихах: киянка, риска,
верстак, наждак и три болта.

* * *

Наташку руки возбуждали,
Галину – голос, Верку – грудь,
иные просто так давали,
дадут, Олежа, как-нибудь.

Так просвещал меня в общаге
Андрюха – местный супермен,
от отчисленья в полушаге,
он пел «Звезду» и «Перемен».

С тех пор всё круто изменилось,
воды три моря утекло,
но помню наготу как милость,
когда снаружи рассвело,

когда ты снова помешалась
(тебе отпущены грехи),
и ты, смущённая, призналась,
что это всё стихи, стихи.

* * *

Вот, скажем, ты и я:
ты — грозен, как морпех,
я — весь из вторсырья,
худой на мне доспех,

а всё-таки ты мне,
кретин, не ставь на вид,
что ментик весь в дерьме
и кивер весь избит.

* * *

Г. К.

И у меня он есть — помощник
голосовой.
Он ябеда и полунощник,
дурак, герой.

То крик, то вой, то шорох, шёпот,
то мот, то жмот,
то в рот воды, то пря и ропот,
то речь ведёт.

* * *

Они давали мне последний шанс
купить приставку, закачать программу,
воспользоваться скидкой тотчас —
проигнорировал, ушёл в отказ
и пару раз упомянул их маму.

Я, неудачник и позор семьи,
десятки шансов в жизни просохатил:
понюхать розу, выпить на свои,
сломать строку, пнуть дверь в военкомате,
признаться однокласснице в любви.

Я в третьем классе струсил во дворе.
В шестом забил на секцию хоккея.
На выпускном не станцевал с Р. Е.
и с этим запоздал стихотворе...
Что наша жизнь — кредиты да ИКЕЯ.

Теперь сижу взираю на купон,
держу в уме вишлист своих предательств,
на шапке жаждал оторвать помпон,
сыграть в рулетку, не надеть гандон,
строку сломать, уйти от обязательств.

* * *

Пелось в песне: птицы не поют,
и цветы не пахнут натуральные,
и луна здесь не блестит. Поют,
оказалось, словно ненормальные.

Уязвлённых, оскорблённых нас
родины своей несовершенствами,
отвели шутя в специальный класс,
где общаются одними жестами.

Заглушай, четвёртая волна,
стыд предательств песней очумелою,
горечь эту сладко пей до дна,
бей, как куклу, правду пустотелую.

Я швырну окурок в океан,
хоть и не курю, пройду по палубе,
посмотрю, как стелется туман,
как в тумане птица вторит жалобе.

* * *

Куда пропало слово «маргарин»?
Кому мешало слово «рубероид»?
Ты доживёшь, курилка, до седин,
и раздраженье рот тебе откроет:

фрилансер от поэзии, я тот,
кто сам себя поставил под раздачу,
моля удачу, я смеюсь и плачу,
бесценных слов сквалыга, скряга, жмот.

Содержание

2010 – 2014

«Не цепляйся за стихи, пиши прозу...»	5
«Скворцы на закате...»	6
«Что, человек-сам-себе-тюрьма...»	7
Романс	8
«Человек сжёг в комнате кислород...»	9
«Мармелад в круглосуточном магазине...»	10
«Автобус, автобус...»	11
Письмо Наташе Санниковой	
в ответ на стихотворное послание ей	12
«Констатации: в голове Маршак...»	14
«Тяжело лежать на одном боку...»	15
«Нефть кончится, старик, язык останется...»	16
«В типографии туч набирают петитом “снег”...»	17
«Слава – после, прежде – биография...»	18
«Я осмотрела все помойки...»	19
«Время – вещь, говорил нам...»	20
«Какая ночь! Какая ночь, желанный...»	22
«Как болит голова...»	23
«Борьба за жизнь, застывшая, как танец...»	24
«Как страшно раскрылись тюльпаны...»	25
«На кухню вышел я помыть посуду...»	26
«Сказал – и тут же пожалел...»	27
«О чём ты, звук, стихотворение?..»	28
«Наверное, хватит? Пожалуй, пора?..»	29
«Не жизнь прошла, а молодость всё длится...»	30
«Прости мне титанический закат...»	31
«Куда летит далёкий самолёт?..»	32
«Поговори со мной. О чём?..»	33

«Ангел дежурный сыграл на волынке...»	34
«Что там память сбережь мне старается?..»	35
«Нет на свете мест волшебных, лучших...»	36
«То не уральский закат...»	37
«Как дождь подновляет окрестность...»	38
«Девятнадцатый век, накопитель...»	39
«Как солнце рыжее за горы упадёт...»	40
«Из темноты взывая: плохо мне, плохо, плохо...»	41
Разговор с птицей	42
«Ты чего? Всё нормально, старик...»	44
«На стихи мои друзья не реагируют...»	45
«Хмурое утро какое...»	46
«Когда район выходит на пробежку...»	47
«Житейская драма поэта...»	48
«Заливаем в баки амфибрахий...»	50
«В предбаннике грусти, а после — тоски...»	51
«Опираючись на стенку...»	52
«Не читатели литературы...»	54
«Я не знаю, кто это. Вампир?..»	56
«Что там лежало на стуле? Ага...»	58
«Дерево, дерево, если метель...»	59
«Наплевать, что в итоге труха...»	60
«Чуяли, как писать...»	61
«что-то город мне приснился...»	62
«От рождения самого веря...»	64
«Когда звезда мерцает одиноко...»	65
«Народ не с вами. И не с нами...»	66
«Наелся ядовитых ягод...»	67
«...И, увидав смертельную усталость...»	68
«Мне написал один поэт...»	69
«Неистребимый уральский акцент...»	70
«Когда ты, милый мой, на столе остывал...»	71
«Как советский смешной “Музыкальный киоск”...»	72
«Где “Юность” — всего лишь журнал...»	73
«Заварим чай? Давай бубнить...»	74

«Молчи уж. Где она, Россия?..»	75
«Дед мой, Борис Александрович...»	76
«В детском нестрогом раю...»	78
«Ну да, и на плечах у мертвеца...»	80
«Napishu stikhotvorenie o cirillitse...»	81
«Я прочитал про это в интернете...»	82
«Что за словом не следует ничего...»	83
Мотыльку в метро	84
«Не спрашивай. Я сам не знаю, почему...»	85
«Мой грех всегда со мной...»	86
«Жёлтый лист неродной пролетает, как фантик...»	87
«Вот так вот, классика. Начнёшь тебя читать...»	88
«Теперь, когда на лучшей стороне...»	89
«Что белеет в той зелёной роще?..»	90
«У нас вчера открылась пиццерия...»	91
«Для того чтобы мальчик...»	92
«Помнишь, мы прятались тут от дождя...»	93
«Праздник жизни, молодости годы...»	94
«Что стихи? Дураки и дуры...»	95
«В противовес бы что-нибудь лёгонькое...»	96
В баре	98
«Краб оркнейский, орешек, дружок-пирожок...»	99
«Получая премию “Безразличие”...»	100
«Всегда приятно обойти коллег...»	101
«Поэт с Урала? По-любому гопник...»	102
В парке. На мотив Елагина	103
«Слов тридцать — и хватит...»	104

2016 – 2019

«и четвёртой волны как писали пена...»	107
«Ах, осень. Сплошные подарки...»	108
«У дождя вся жизнь — одна минута...»	110
«Плебейское стремленье удивлять...»	111

«ВКС России нанесли...»	112
«Сосредоточенный и хмурый...»	114
«Что же всё-таки?..»	115
«Тепло в конце октября...»	116
«В бескрайних полях Уимблдона...»	117
«город ровный город плоский...»	118
«Аппаратом “Смена-Символ”...»	119
«Осень в графстве Суррей...»	120
«Как надеется онкобольной...»	121
«Нет, ничего почти что не осталось...»	122
Свердловская элегия	124
«Я хотел написать про отца...»	126
«Девочки, не знающие Блока...»	127
«Я стал болеть за “Брайтон”...»	128
«Тебе чай или кофе?..»	130
«Человек задумал барбекю...»	131
«Ну что с того, что я там жил...»	132
«Так я любил тебя? Спроси об этом...»	133
На смерть бегемота Алмаза	
в Свердловском зоопарке в 2012 году	134
«Отговорила роща золотая...»	136
«Едем долго в поезде на море...»	137
«Про два стучащих башмачка...»	140
«Пели про поезд в огне...»	141
«Идёт бычок себе, качается...»	142
«Поставим лайки умирающим...»	144
«день сегодня нехороший...»	145
«Очки назывались “фрики”...»	146
«Человек зашёл в аптеку...»	148
1992	149
«В 1909 году Александр Блок...»	150
«потому что музыка проститутка...»	154
«Мне нужно, блядь, купить помаду...»	155
«Стихи крутые все написаны...»	156
«Ты знаешь Постоногова? – Отнюдь...»	157

Кефир	158
«Оказана милость...»	159
«Какое слово “рубериод”...»	160
«Наташку руки возбуждали...»	161
«Вот, скажем, ты и я...»	162
«И у меня он есть – помощник...»	163
«Они давали мне последний шанс...»	164
«Пелось в песне: птицы не поют...»	165
«Куда пропало слово “маргарин”?...»	166

Олег Дозморов. Уральский акцент

возрастная категория 18+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 7.07.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 10,75.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6041935-6-3

9 785604 193563

Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет и аспирантуру Уральского госуниверситета и журфак МГУ, также учился в университете Аберистуита (Уэльс, Великобритания). Работал преподавателем русского языка, журналистом, редактором. Автор книг «Пробел» (1999), «Стихи» (2002), «Восьмистишия» (2004) и «Смотреть на бегемота» (2012). Лауреат премии журнала «Урал» (2011), Русской премии и спецпремии «Московского счёта» (обе – 2012), награды Hawthornden International Writers Retreat. Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Урал», «ШО» и др. Стихи переводились на английский, голландский, итальянский и украинский языки. С 2009 года живёт в Великобритании, работает переводчиком.

ISBN 978-5-6041935-6-3

9 785604 193563